

I. ГРАММАТИКА В КОММУНИКАТИВНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ СИСТЕМНОСТИ

УДК 811.112.2'36-13

С. Т. НЕФЁДОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

ГРАММАТИКА И КОММУНИКАЦИЯ: К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ МЕТОДЕ В. Г. АДМОНИ

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, функциональная грамматика, грамматическая теория, коммуникативно-грамматическая категория, полевое структурирование грамматических категорий, многоаспектно-доминантный метод, В. Г. Адмони.

В статье фокусируется коммуникативная перспектива в лингвистическом анализе В. Г. Адмони языковых форм и категорий. Коммуникативность теории рассматривается как сущностная черта его грамматической концепции в целом. На примере центральных работ Адмони показана двоякая ориентированность разработанной им теории на коммуникацию: в перспективе на объект и в перспективе на метод. С одной стороны, главный объект анализа — грамматический строй — Адмони представляет не в абстракции, как некий теоретический конструкт, а как «грамматическую реальность» в употреблении, в ее коммуникативно обусловленной системности. С другой стороны, грамматические формы и категории, а также отношения между планом выражения и планом содержания применительно ко всем грамматическим явлениям описываются Адмони в тесной связи с процессами коммуникации. В контексте современной лингвистики рефлексированы и интерпретируются основные черты грамматической концепции Адмони — принципы системности, многоаспектности, полевого структурированности и другие. Непреходящая востребованность теоретических обобщений Адмони в области общей теории грамматики и германистики объясняется исходя из их коммуникативных оснований, на которых зиждется фундамент языка. В статье обосновывается тезис, что теоретические подходы, разработанные и предложенные Адмони, не только продолжают играть значительную роль в традиционном структурно-грамматическом описании немецкого языка, но и являются источником и генератором идей для современных направлений лингвистических исследований, особенно для функциональной грамматики, функционально-коммуникативного синтаксиса, прагмалингвистического анализа грамматических средств и категорий, лингвистических исследований стилей и форм языковой коммуникации.

GRAMMAR AND COMMUNICATION: ON V. G. ADMONI'S SCIENTIFIC METHOD

Keywords: communicative linguistics, functional grammar, grammar theory, communicative grammatical category, field structuring of grammatical categories, multi-aspect-dominant method, V. G. Admoni.

The article focuses on the communicative perspective in V. G. Admoni's linguistic analysis of grammatical forms and categories. The communicative nature of Admoni's theory is considered an essential feature of his grammatical concept as a whole. Based on central works of the scholar, this paper offers a twofold perspective on his theory: object-driven as well method-driven. On the one hand, Admoni regards the grammatical system, which is the main object of his analysis, not as an abstract concept or a theoretical construct but rather as a functioning "grammatical reality" retaining its communicatively determined taxonomy. On the other hand, grammatical forms and categories, as well as the relationship between expression and content are described by Admoni in close connection with the processes of communication. The paper also explores and interprets the main features of Admoni's grammatical concept in the context of modern linguistics, such as principles of systematicity, multidimensionality, field structuredness, etc. Admoni's theoretical generalizations, being an important contribution to the general grammar theory and German studies, are explained based on their communicative foundations. The paper substantiates that theoretical approaches brought forward by Admoni continue to play a significant role in the traditional structural and grammatical description of the German language but can also be tapped for ideas and insights in contemporary linguistic research, especially in functional grammar, functional-communicative syntax, pragmalinguistic analysis of grammatical means and categories, linguistic studies of style and forms of language communication.

1. Вступительные замечания

В настоящей статье акцентируются методологические аспекты научной деятельности В. Г. Адмони, его приверженность определенным принципам при рассмотрении языковых явлений. Система принципов познания некоторого объекта (в данном случае — языка), как известно, формирует научный метод. Однако эта строгая логическая формула не покрывает полностью того смыслового содержания, которое принято вкладывать в понятие научного метода. В «Логическом словаре-справочнике» Н. И. Кондакова среди прочего отмечается, что «метод... не есть сумма или простая совокупность каких-то статичных, неизменных понятий, категорий, законов, принципов. Метод — это процесс...» [4, с. 348]. Процессуальная, динамическая сторона в методе как способе познания дей-

ствительности является решающей для научно-исследовательских практик. Она создает методу определенный запас прочности, делает некоторый утвердившийся в науке метод адаптивным к решению новых исследовательских задач, к рассмотрению нового эмпирического материала, к верификации бытующих научных гипотез в новом теоретическом контексте. Но не только потенциальная, объективно обусловленная изменчивость самого метода усложняет задачу установить его в научной деятельности конкретного ученого. Не меньшие трудности на этом пути возникают благодаря субъективно-личностным моментам, неизбежно сопутствующим применению научных методов конкретными исследователями в практическом научном анализе. Конечно, существуют определенные причинно-следственные связи между временем научной активности ученого и так называемыми парадигмами научного знания (англ. *scientific paradigms*) [15], то есть временными этапами в поступательном развитии науки и ее специализированных отраслей (дисциплин), на которых господствуют тот или иной общий научный подход и доминирующий метод. Однако эти параллели не гарантируют абсолютно точного результата, так как между методом как средством достижения цели и объектом познания всегда возвышается фигура познающего субъекта. Именно исследователь решает в конечном итоге, какой метод в наибольшей степени соответствует поставленной научной задаче и может быть эффективно использован при анализе отобранного им лично материала. Кроме того, только в теории можно установить более или менее четкие границы между «парадигмами научного знания» с их доминирующими методами и говорить, к примеру, о сравнительно-историческом языкознании, системно-структурной лингвистике, коммуникативной лингвистике и их ведущих методах анализа языка. Однако никто не запрещает исследователю применять в своем анализе методы, унаследованные от прежних состояний развития науки, а также конкретизировать их сообразно частной прикладной задаче, тем самым высвечивая новые грани и новые познавательные возможности самих методов.

В связи с понятием «парадигмы научного знания» необходимо учитывать существенные различия между естественными и гуманитарными науками. Свои выводы о парадигмальном характере развития наук Т.С. Кун сделал на основе анализа естественных наук. Согласно Куну, научное знание развивается скачкообраз-

но. В ходе критической оценки существующей на данный момент, исторически сложившейся системы представлений в той или иной предметной сфере знание в естественных науках периодически подвергается коренному переосмыслению. Смена научных воззрений и подходов происходит при этом не плавно, а посредством «научных революций». Весь путь развития науки можно представить как цепочку сменяющих друг друга моделей описания объекта в соответствии с принятыми большинством ученых принципами и подходами. На каждом этапе развития науки существует одна доминирующая научная парадигма. (О монопарадигмальной теории Т. С. Куна см. подробнее в статье Е. С. Кубряковой [5, с. 156–162].)

Монопарадигмальная теория — не единственная модель, в соответствии с которой представляется развитие научных знаний в человеческом обществе. Помимо скачкообразного пути развития науки, радикального и революционного, имеется и другой путь, предполагающий эволюционирование и спиралеобразное развитие научного знания. Немало историков науки и просто ученых, интересующихся прошлым и современным состоянием научных проблем в той или иной сфере человеческой деятельности, считают, что смена фундаментальных исследовательских подходов происходит не всегда и не во всех сферах революционно. Она может проходить плавно, в ходе наследования продуктивной части научных идей предшествующего периода, переосмысления концепций отдаленных эпох и сплава разных научных идей и разных подходов, существующих одновременно на том или ином синхронном срезе развития научного знания и полученных в результате анализа новых открытых фактов. Теория лингвистического знания как сочетание научных идей, представленных в разных подходах и в разные периоды развития лингвистики, не менее убедительна. Как отмечает Е. С. Кубрякова, монопарадигмальный путь в большей степени подходит для описания развития естественных наук, в которых открытие новых фактов и законов приводит к прорыву в технологиях, а эволюционирующий путь — для гуманитарных наук [5, с. 162–164].

В реальной практике лингвистические теории являются в подавляющем большинстве случаев полипарадигмальными, совмещающими черты нескольких научных подходов. Это в значительной степени проявляется и в исследованиях В. Г. Адмони, которые он проводил в эпоху коренных методологических трансформаций в лингвистической науке, когда на смену структурализму и систем-

но-структурной лингвистике постепенно, через стадию активного функционализма пришла эпоха антропоцентризма и коммуникативной лингвистики.

Эти общие рассуждения о методе, применении научных методов в практическом анализе и методологически обусловленных системах научного знания о языке являются отправной точкой в настоящей статье при интроспективном обсуждении ведущих методологических принципов одного из самых авторитетных отечественных лингвистов-теоретиков и германистов XX века в области общей теории грамматики, теоретической грамматики немецкого языка, исторического синтаксиса немецкого языка — Владимира Григорьевича Адмони.

2. Принципы анализа в некоторых работах В. Г. Адмони

Основная и самая плодотворная часть научной деятельности В. Г. Адмони приходится на 60–80-е годы XX века. Но грамматическая и — шире — лингвистическая концепция, как пишет сам Адмони в предисловии к монографии «Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики» [V], сложилась в 1930-е годы, то есть в период почти всеобщего господства структурализма, причем во многом как критическая реакция на некоторые структуралистские аксиомы. С тех пор свои взгляды Адмони уточнял и совершенствовал на протяжении более чем полувека, в том числе и в непримиримом споре с представителями структурной лингвистики.

Свою первую научную работу по вопросам немецкой грамматики «О порядке слов в немецком языке» (Über die Wortfolge im Deutschen) В. Г. Адмони опубликовал в 1934 году. В ней он описал структурно-организующую функцию «рамочной конструкции» (нем. die Rahmenkonstruktion) в немецком предложении [VII]. Уже в этой первой статье Адмони четко обнаруживается принцип системного подхода к явлениям языка, стремление упорядочить разрозненные и многоликие факты немецкого языка в широких, типологически значимых категориях. А в 1935 году в сборнике научных статей «Вопросы немецкой грамматики в научном освещении» под редакцией В. М. Жирмунского вышла известная статья Адмони «Структура предложения», в которой он впервые в немецкой германистике в эксплицитной форме выделил и описал основные ло-

гико-грамматические типы немецкого предложения [I]. В этой же работе Адмони впервые высказал идею о многоаспектности предложения, тем самым положив начало разработке «многоаспектно-доминантного метода» в анализе грамматических явлений, который он уточнял и совершенствовал на протяжении всей своей научной деятельности.

Следующей методологически значимой работой В.Г.Адмони является монография «Введение в синтаксис современного немецкого языка» 1955 года [II], положившая начало целой серии трудов по немецкой грамматике, общей теории грамматики и принципам грамматических исследований. Здесь, как ни в какой другой работе прежде, Адмони на практическом материале немецкого языка реализует принцип системного рассмотрения грамматических явлений в их связях и отношениях друг с другом применительно к широкому спектру разноформатных синтаксических единиц: членам предложения, синтаксическим группам (существительного, глагола, прилагательного и причастия в качестве атрибутов), обособленным компонентам предложения, различным формам логико-грамматических типов предложения, самостоятельным и сложным предложениям. Вся книга пропитана убеждением Адмони о центральной роли синтаксиса в грамматике языка, поскольку только через синтаксис все другие грамматические единицы — морфемы, словоформы, словосочетания и структуры предложений — могут включаться в процесс создания связной речи — связной по смыслу и по цели высказывания.

С принципом системности неразрывно связан принцип полевого структурирования грамматических явлений на центральные и периферийные элементы в рамках грамматических категорий. Впервые принцип полевой структуры грамматического строя языка В.Г.Адмони сформулировал в монографии «Основы теории грамматики» [III]. Эта работа занимает особое место в его научном наследии, поскольку в ней не только изложены все ведущие принципы грамматического анализа, которыми руководствовался сам ученый и сделал их, по сути, доступными и привлекательными для широкого круга лингвистов, но и представлены соображения о дальнейшем совершенствовании приемов грамматического анализа в связи с развитием теории грамматики.

Международное признание и широкую известность принесли В.Г.Адмони многие его научные работы, но особое место в этом

ряду занимает монография «Строй немецкого языка. Теоретическая грамматика немецкого языка» (Der deutsche Sprachbau. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache). Она дважды переиздавалась в России (в 1960 и 1986 годах [VIII]) и дважды в Германии (в 1970 и 1982 годах). Это и не удивительно, поскольку в названной работе в академически строгой и емкой форме зафиксировано базовое лингвистическое знание о системе отношений и системе построения основных грамматических единиц современного немецкого языка в их коммуникативно обусловленной системности.

В этом беглом и неизбежно фрагментарном обзоре нельзя не упомянуть и тот факт, что В. Г. Адмони не ограничивал свои грамматические исследования уровнем предложения, а обращался и к тексту. Проблеме грамматического анализа текста посвящен у Адмони большой раздел в монографии «Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики», а также его последняя монография «Система форм речевого высказывания» [VI], изданная посмертно. У В. Г. Адмони были свои собственные взгляды на формировавшуюся в эти годы в отдельную дисциплину лингвистику текста и на текст как объект грамматического анализа. Эти взгляды в значительной степени представляют особое мнение ученого, не совпадающее с мнением большинства лингвистов. В частности, он весьма критически писал о том, что «[Т]екст порой даже начинает рассматриваться как основная лингвистическая (грамматическая) или хотя бы речевая единица».

«Но такая позиция, — по мнению В. Г. Адмони, — несправедлива и ошибочна вдвойне. С одной стороны, она несправедлива к тексту, потому что делает его основной единицей не своей собственной, а другой, пусть и тесно связанной с ним области. <...> А с другой стороны, такая позиция снижает роль языка, а особенно такой его важнейшей структурной единицы, как предложение. Грамматика растворяется в теории текста. Между тем нет абсолютно никаких оснований пересматривать старый взгляд на предложение как основную относительно законченную структурную грамматическую единицу...» [V, с. 209].

Особое мнение было у В. Г. Адмони, как известно, и по поводу самого понятия, что такое текст. Он не рассматривал в качестве текстов устные, спонтанные речевые образования диалогической коммуникации. Такие речевые построения не удовлетворяют, как он отмечал, требованиям кодифицированности (нормативности

языка) и воспроизводимости, поэтому их нельзя рассматривать в качестве текстов. Статус текста, по Адмони, должен предусматривать логически стройную последовательность высказываний в изложении тематического содержания и структурную упорядоченность их плана выражения, а также вытекающую из этого точную воспроизводимость речевых произведений. Очевидно, что эти требования могут быть реализованы только применительно к письменным текстам. Упорядоченным письменным текстам, поддающимся воспроизведению, противопоставляется устная речь как не вполне упорядоченная по логике изложения, так как в ней неизбежно присутствуют многочисленные самокорректировки говорящего ввиду спонтанности и неподготовленности речи, отражающие поиск наиболее точных средств выражения. Время существования подобных речевых образований равно времени их производства [VI, с. 42–45]. Следует заметить, что В. Г. Адмони не был одинок в таком отношении к устным текстам. И. Р. Гальперин [2, с. 5], З. Я. Тураева [10, с. 11] и некоторые другие языковеды на тех же самых основаниях относили в категорию «текст» только письменные тексты.

Грамматический строй В. Г. Адмони всегда рассматривал в качестве «центрального участка языковой системы», а синтаксис — в качестве ядра грамматического строя, поскольку именно на уровне синтаксиса с помощью грамматических единиц нижестоящих уровней создаются речевые высказывания, способные полноценно осуществить познавательную функцию и служить коммуникативным целям говорящего или пишущего лица [IV, с. 6].

Сам В. Г. Адмони относил себя к тем лингвистам, которые работают в рамках функциональной грамматики «от формы». В одной из своих последних обобщающих работ, написанной на немецком языке и опубликованной как раздел в коллективном двухтомном академическом издании, посвященном проблемам синтаксиса, по этому поводу он пишет буквально следующее: «В многочисленных функционально-грамматических работах представлены две четко очерченные линии грамматики: одно направление функциональной грамматики исходит из грамматической формы, что сближает его в большей степени с грамматической традицией. <...> Это направление представлено и в концепции автора этих строк. Его можно обозначить как *функциональную грамматику, базирующуюся на форме*, или точнее — как *многоуровневую функциональную*

грамматику»¹ (здесь и далее перевод иноязычных источников мой. — С. Н.).

В рамках функциональной грамматики, исходно ориентированной на форму, языковая грамматическая форма была для В.Г.Адмони только исходным моментом анализа, направленного на выявление всей системы парадигматических, синтагматических, а в более поздних работах и батизматических содержательных функций, свойственных элементам языковой грамматической системы в абстракции и в употреблении. Функционально-содержательная направленность «многоуровневой функциональной грамматики от формы», которую Адмони поэтапно и системно разрабатывал начиная с самых первых научных работ, проявилась в постановке и решении следующих вопросов: какими содержательными функциями может обладать данная языковая форма; в каких вербальных и ситуативных условиях реализуется то или иное грамматическое содержание языковой формы; какие другие языковые формы сопоставимы с анализируемой по содержательным функциям; какие причины диктуют предпочтительный выбор именно данной языковой формы по сравнению с другими, грамматически синонимичными.

В целом же представленный в данном разделе курсорный обзор основных методологических принципов, к которым В.Г.Адмони был привержен на протяжении всей своей научной деятельности, свидетельствует, как представляется, о двух моментах. Во-первых, «научный метод Адмони» вобрал в себя лучшие элементы двух научных методологий: уходящей в историю системно-структурной лингвистики и открывающей новые теоретические горизонты коммуникативной лингвистики. Во-вторых, Адмони в лингвистическом анализе языка — и прежде всего его грамматического строя — новаторски объединил эвристический потенциал обеих методологий и предложил и апробировал на широком массиве языкового материала свой собственный научный метод — **многоаспектно-доминантный подход**, обращенный к языковым фактам не в двухмерном пространстве их бытия, как это было до него, а

---

¹ «In der Masse der funktional-grammatischen Arbeiten gibt es zwei scharf voneinander getrennte Linien: eine Richtung der funktionalen Grammatik geht von der grammatischen Form aus, was sie mehr mit der grammatischen Tradition verbindet. <...> sie ist in der Konzeption des Verfassers dieser Zeilen vertreten. Man kann sie als *gestaltbasierte funktionale Grammatik* bezeichnen, oder genauer... als *multidimensionale funktionale Grammatik*...» [IX, S. 233].

в их трехмерном функционировании: в парадигматике, синтагматике и батизматике. Последний из указанных моментов прямо указывает на тесную сопряженность грамматической теории В. Г. Адмони с коммуникацией, с влияющими на все стороны языка коммуникативными факторами.

В контексте этих рассуждений главная цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, вспоминая сегодня о яркой научной деятельности В. Г. Адмони и его влиянии на последующие поколения германистов, подчеркнуть непреходящую актуальность многих его идей, обозначить теснейшие связи его грамматической теории с современной коммуникативной лингвистикой. Коммуникативно ориентированный подход к грамматическим явлениям проявляется у Адмони, как убеждает анализ его научных работ, двояким образом. Остановимся на этих моментах подробнее.

3. Коммуникативный характер грамматической теории В. Г. Адмони по изучаемому объекту и по научному методу

С одной стороны, грамматическая теория и в целом лингвистическая концепция В. Г. Адмони носят **ярко выраженный коммуникативный характер по объекту**. В области грамматики для Адмони таким объектом всегда был, как известно, грамматический строй, но не в абстракции, как некий теоретический конструкт, а как «грамматическая реальность», то есть элементы грамматической системы от морфемы до «законченного высказывания» (текста), принципы их построения и вся система многовекторных отношений между ними в реальном бытии — в употреблении. Определяя основную цель своих грамматических исследований в уже упоминавшейся монографии «Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики», В. Г. Адмони подчеркивает, что его всегда интересовал «грамматический строй как система построения, т. е. как система динамической и напряженной организации **речевой массы...**» [V, с. 8].

С другой стороны, грамматическая теория В. Г. Адмони является сугубо коммуникативной в своих основаниях, а именно по применяемому методу исследования. Грамматические формы и категории, а также отношения между планом выражения и планом содержания применительно ко всем грамматическим явлениям описываются Адмони в тесной связи с процессами коммуникации. Это проявля-

ется, в частности, в том, что в грамматическом анализе систематически учитывается влияние на грамматические формы и присущие им функции таких факторов, как контекст реализации и ситуация общения. На необходимость учитывать связи грамматических форм с контекстом Адмони постоянно указывает в своих работах. Он прямо пишет о том, что в фокусе рассмотрения языковых фактов всегда должны быть «те проекции, которые протягиваются от грамматических структур к контексту и ситуации (и соответственно от контекста и ситуации к грамматическим структурам)» [V, с. 8].

Решающая роль контекста в производстве и интерпретации языковых образований была впоследствии акцентирована и подтверждена в коммуникативно-деятельностных теориях языка и является неотъемлемой частью современного лингвистического анализа [8; 11]. Контекстуальный метод в его различных вариантах реализован во многих работах автора настоящей статьи (см., например: [6; 7; 16]).

4. Основные черты грамматической теории В. Г. Адмони

Если в самом общем виде характеризовать грамматическую концепцию В. Г. Адмони, то все ее основные черты обнаруживают коммуникативную устремленность. К таким чертам следует, на мой взгляд, отнести прежде всего принципы:

- 1) системности грамматического строя;
- 2) многоаспектности грамматических явлений;
- 3) полевой структурированности грамматических категорий;
- 4) семантической интерпретации в грамматическом описании.

4.1. Принцип системности грамматического строя

В. Г. Адмони всегда отстаивал и реализовывал в практике грамматического анализа принцип системности грамматических явлений. Системность он считал ингерентно присущей как грамматическому строю в целом, так и отдельным грамматическим фактам в речевых реализациях: формам, прикрепленным к ним функциям, категориям. Не случайно красной нитью через все его труды проходит идея о «**системе** построения» и «**системе** отношений» в грамматике языка. Но эту черту своей концепции он связывал не с влиянием структурализма, в эпоху господства которого проходила значитель-

ная часть его научной деятельности, а с предшествующим этапом в развитии лингвистики — сравнительно-историческим языкознанием. Одной из аксиом сравнительно-исторического языкознания, как известно, была идея о «давлении системы» (нем. Systemzwang) внутриязыковых факторов на функционирование языка — давлении, приводящем к самодвижению и саморазвитию языковой системы. В отличие от представителей сравнительно-исторического языкознания и структуралистов, Адмони понимает, однако, системность языка и его грамматического строя гораздо шире: не только как внутриязыковую, но и как внешнеязыковую системность, то есть как системность в ее коммуникативной обусловленности. Иначе говоря, коммуникативная ориентированность концепции Адмони проявляется в том, что системность он распространяет не только на **язык в абстракции**, «в самом себе и для себя» [9, с. 268], по Ф. де Соссюру, но видит системность и в **речевых (контекстных) реализациях грамматических форм и категорий**. Так, критикуя тезис Соссюра о полной свободе исследователя при выборе исходной формы в построении парадигм языковых единиц, Адмони увязывает свою контраргументацию с действием такого фактора, как реальная коммуникативная практика употребления соответствующих форм. В перспективе на контекстные реализации, как отмечает Адмони, в конституируемой парадигме оказываются «формы, в разной степени семантически связанные с ситуацией и контекстом» [V, с. 39]. Некоторые формы являются более зависимыми в плане реализации общего грамматического значения парадигмы, а другие — менее, так как находятся «в состоянии синтаксического покоя», как, например, номинатив (от лат. *nominare* — ‘называть’), или именительный падеж, в падежной парадигме флективных языков. Его потому и именуют грамматисты назывным, исходным падежом (нем. *der Nennfall, der Nullkasus, der Kasus rectus*), что он способен сам по себе, вне контекста [1, с. 356] выполнять функцию прямой номинации предметных сущностей в их широком понимании.

4.2. Принцип многоаспектности грамматических явлений

В. Г. Адмони одним из первых (а может быть, и первым — по крайней мере в отечественном языкознании) в эксплицитной форме сформулировал идею многослойности содержания языковых форм, количественного увеличения содержательных аспектов по

мере возрастания комплексности структурных единиц от морфемы к предложению и «законченному высказыванию». При этом многоаспектность он трактовал не только как объективное следствие включенности грамматических форм во внутриязыковые процессы на уровне парадигматики и синтагматики языка, но и как следствие интегрированности их в коммуникацию, потребностям которой в конечном итоге служат все грамматические формы и, соответственно, привязанные к ним значения. Проще говоря: часть выделяемых аспектов, а нередко и большую их часть, он рассматривал как содержательные проекции в грамматическую семантику языковых форм, идущие «от коммуникации», — например, значения лица, времени, залога, наклонения; значения, связанные с модальным, эмоциональным, оценочным отношением говорящего к сообщаемому.

4.3. Принцип полевой структурированности грамматических категорий

Можно сказать, что, подобно Хеннигу Бринкманну в зарубежной германистике [12], В.Г.Адмони одним из первых в отечественной германистике начал широко применять понятие **поля** при описании грамматического строя немецкого языка и внутренней организации (системности) формального и содержательного плана грамматических категорий. Исходным моментом в его рассуждениях был простой и очевидный факт, что «только у части реализаций грамматической формы определенное обобщенное значение представлено отчетливо и однозначно, между тем как у других реализаций этой грамматической формы данное обобщенное значение представлено нечетко, половинчато или даже вообще отсутствует» [V, с. 28].

Под принцип противопоставления «поле — периферия» подпадают все явления грамматической полисемии, или многозначности, грамматических форм; например, многозначные временные формы глагола с первичными, системно-языковыми (парадигматическими) и вторичными, контекстно-обусловленными (синтагматическими) функциями в немецком языке.

Принцип полевого структурирования В.Г.Адмони применяет не только на уровне отдельных грамматических форм, но и в отношении широких грамматических категорий, таких как части речи. Например, в уже цитировавшейся статье «Функциональная граммати-

ка» (Funktionale Grammatik) он приводит пример полевой структуры грамматического класса адъективов в немецком языке. Как пишет Адмони, с учетом реализации словоизменительных категорий (значений парадигм склонения, образования степеней сравнения) и категорий синтаксических (употребление в функции атрибута, предикатива, предикативного атрибута) в разных лексико-семантических группировках адъективов этот класс может быть представлен в виде полевой структуры, поскольку не все подклассы адъективов в равной мере выступают во всех грамматических категориях. Тем самым в центре поля окажутся так называемые качественные адъективы (за исключением таких, как *taub*, *blind* или *tot*), а на периферии — относительные и вещественные адъективы; последние обнаруживают ограничения в реализации центральной для них категории степеней сравнения, а также в синтаксическом использовании в атрибутивной и предикативной функциях [IX, S. 238].

4.4. Принцип семантической интерпретации в грамматическом описании

Изучение грамматических форм у В. Г. Адмони всегда было неразрывно связано с исследованием их обобщенной грамматической семантики. Так, в хорошо известном разграничении Адмони логико-грамматических типов предложения устанавливается сопряженность типовой грамматической формы, создаваемой благодаря стабильности грамматических форм входящих компонентов (членов предложения), с типовым грамматическим содержанием. Причем «действие» семантического принципа анализа проявляется в том, что в зависимости от лексического наполнения логико-грамматического типа Адмони всегда фиксирует отклонения от базового типа и возможность пересечения с другими логико-грамматическими типами. Например, логико-грамматический тип предложения с переходным глаголом и прямым объектом (Nominativsubjekt + transitives Verb + direktes Objekt im Akkusativ) выражает воздействие агенса на объект: *Ich schreibe einen Brief*. Но при употреблении глаголов других семантических классов в качестве предиката этот же формально-грамматический тип предложения может выражать некоторое стабильное свойство объекта (*Das Kleid kostet 50 Mark*) или его потенциальное состояние (*Der Saal umfasst hundert Menschen*) [VIII, S. 122–123].

Тем самым лексика выступает у В. Г. Адмони гарантом открытости грамматического строя как по набору грамматических форм и категориально-грамматических значений, так и в плане их изменчивости в эволюционно-диахроническом плане.

5. Коммуникативный подход В. Г. Адмони в рассмотрении грамматического пространства языка

До В. Г. Адмони грамматическое пространство языка представлялось как двухмерное, включающее парадигматику и синтагматику. Он добавил в это представление грамматического строя еще одно грамматическое измерение — **батизматику** (нем. die Bathysmatik). (Термин *батизматика*, как пишет сам Адмони, восходит к древнегреческому слову со значением 'вглубь'².)

Батизматическое измерение у Адмони надстраивается над парадигматикой и синтагматикой и охватывает их собой. Предлагаемое Адмони расширение грамматического пространства языка до трехмерного призвано фиксировать многослойность содержания грамматических форм и структур при их употреблении в речи/тексте. При этом Адмони исходит из тезиса о возможности одновременного введения на базе одного языкового элемента нескольких, даже многих грамматических значений. В результате содержательная многослойность языковых единиц создается наложением друг на друга системно-языковых парадигматических значений, линейно-синтагматических значений и значений, идущих от взаимодействия языковых выражений с контекстом и ситуацией общения. В целом же грамматический анализ Адмони нацелен на то, чтобы дать глубинный вертикальный срез смысловой структуры содержания грамматических форм. Этот срез предстает в его работах как система параллельных и сложным образом соотносящихся друг с другом содержательно-смысловых линий, таких как, например, аспекты предложения.

Приведу только один пример. Для предложения *Das Kind sah seine Eltern fragend an* Адмони выстраивает батизматическую структуру из 31 содержательной линии [V, с. 200–205]. Более половины указанных В. Г. Адмони значений имеют при этом коммуникатив-

² См.: «Eine solche Dimension der Sprache... wird in der gestaltbasierten Grammatik als die *bathysmatische* (vom griech. *batys* 'tief') oder einfach als Bathysmatik bezeichnet» [IX, S. 237].

ную природу и являются результатом контекстной интерпретации данного предложения: коммуникативная задача, эмоциональная насыщенность (в данном случае — внутреннее беспокойство лица), важность сообщаемой информации в коммуникативно-когнитивном отношении, роль в тексте, время художественного повествования, речевой голос (= авторское повествование), модальность и другие. Всем германистам хорошо известна метафора, при помощи которой Адмони описывает батизматическое измерение. Он уподобляет внутреннюю структуру батизматики партитуре музыкального произведения, когда говорит о «партитурной речевой цепи» в батизматическом измерении и о многослойности содержания составляющих этой цепи — предложений [V, с. 195].

6. Коммуникативный подход В. Г. Адмони в рассмотрении грамматических категорий

Подключенность грамматики, грамматической стороны языка к коммуникации обнаруживается, среди прочего, и в предлагаемой В. Г. Адмони типологии грамматических категорий, представленной на материале немецкого языка. Здесь наряду с логико-грамматическими и структурно-грамматическими категориями Адмони, как известно, выделяет коммуникативно-грамматические категории, к которым, например, на уровне морфологии он относит категории лица, времени и наклонения [VIII, S. 11–14]. Коммуникативно-грамматические категории выражают отношение говорящего как центра коммуникации к содержанию высказывания, или различные линии соотнесенности между актом коммуникации и высказыванием с точки зрения говорящего. Они непосредственно соединяют языковую систему, языковую категориальность (в данном случае в области грамматики) с речевой ситуацией и актом коммуникации. Это соединение дано всякий раз в исходной семантической точке отсчета коммуникативно-грамматических категорий. Например, для коммуникативно-грамматической категории времени такой коммуникативной точкой отсчета будет момент речи, относительно которого субъект речи устанавливает прошлое, актуальное настоящее и будущее; для коммуникативно-грамматической категории лица — 1-е лицо единственного числа, обозначающее говорящего; для категории наклонения — фиксация позиции говорящего относительно действительного, материально воспринимаемого мира и так далее.

Коммуникативно-грамматические категории играют важную роль в языковом общении, так как непосредственно вводят в систему языка участников, условия, обстоятельства и другие параметры коммуникации, причем позволяют четко и однозначно выразить соответствующие значения специальными грамматическими показателями, без помощи ситуации и контекста.

7. Заключительный вывод

Научно-познавательный процесс, как известно, не является двухкомпонентным, субъектно-объектным феноменом. Между познающим субъектом и изучаемым объектом всегда наличествует связующее звено в виде некоторой совокупности предшествующих знаний, накопленных в том или ином научном сообществе на предыдущих этапах изучения объекта [13, S. 14]. Такого рода знания даны нам по большей мере в виде, выражаясь словами В. В. Ильина, «эвидентного базиса науки» — общепринятых теоретических положений, выработанных предшественниками, прошедших коллективную проверку временем и практикой на достоверность и стабилизирующих научные исследования [3]. В этой связи один из зарубежных теоретиков в области истории науки Людвиг Флек описывает научную деятельность простой формулой «Некто познает нечто... на основе уже существующих результатов» (ср. в немецком оригинале: «Jemand erkennt etwas... auf Grund des bestimmten Erkenntnisbestandes» [14, S. 20]). Таким связующим звеном в непрерывном развитии германистики и общей теории грамматики для многих из нас, отечественных германистов, является теоретическое наследие В. Г. Адмони.

Теоретические подходы, разработанные и реализованные В. Г. Адмони в более чем 200 научных трудах, продолжают не только играть значительную роль в традиционном структурно-грамматическом описании немецкого языка, но и являются источником и генератором идей для современных направлений лингвистических исследований, особенно для функциональной грамматики, функционально-коммуникативного синтаксиса, лингвопрагматического анализа грамматических средств и категорий, лингвистических исследований стилей и форм языковой коммуникации.

Источники иллюстративного материала

I. Адмони В. Г. Структура предложения // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении: сб. статей / под ред. В. М. Жирмунского. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935. С. 3–26.

II. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1955. 392 с.

III. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.; Л.: Наука, 1964. 105 с.

VI. Адмони В. Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках / отв. ред. В. Г. Адмони. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979. С. 6–36.

V. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 240 с.

VI. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. 151 с.

VII. Admoni W. G. Über die Wortfolge im Deutschen // Zwei Welten. 1934. Nr. 6. S. 3–11.

VIII. Admoni W. [G.]. Der deutsche Sprachbau: Theoretische Grammatik der deutschen Sprache = Строй немецкого языка: Теоретическая грамматика немецкого языка. 4-е изд. М.: Просвещение, 1986. 335 S.

XI. Admoni W. [G.]. Funktionale Grammatik // Syntax: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / hrsg. von J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, Th. Vennemann. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1993. S. 232–241. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 9. Hbd. 1).

Литература

1. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Падеж // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая рос. энциклопедия, 2000. С. 355–357.

2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

3. Ильин В. В. Критерии научности знания. М.: Высшая школа, 1989. 128 с.

4. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.

5. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: (Опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144–238.

6. Нефёдов С. Т. Темпоральная периферия научного текста (ненарративные функции перфекта и претерита) // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Вып. 1. С. 114–123.

7. Нефёдов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических

статей) // Вестник С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 4. С. 599–610. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.408.

8. Неведов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2020. № 63. С. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5.

9. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

10. Тураева З. Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 127 с.

11. Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2017. № 50. С. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9.

12. Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. 654 S.

13. Denkstile in der deutschen Sprachwissenschaft: Bausteine einer Fachgeschichte aus dem Blickwinkel der Wissenschaftstheorie Ludwik Flecks / hrsg. von Ch. Andersen, U. Fix, J. Schiewe. Berlin: Erich Schmidt, 2018. 65 S.

14. Fleck L. Erfahrung und Tatsache: Gesammelte Aufsätze / mit der Einleitung, hrsg. von L. Schäfer, Th. Schnelle. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1983. 195 S.

15. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. 1st ed. Chicago: University of Chicago, 1962. 172 p.

16. Nefedov S. T. Towards Evaluation in Scientific Reviews (Based on German Linguistics). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 12, no. 10. P. 1868–1886. DOI: 10.17516/1997–1370-0494.

References

1. Bulygina T. V., Krylov S. A. Case. *Iazykoznanie: Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'*, ed. by V. N. Iartseva. Moscow, Bol'shaia ros. entsiklopediia Publ., 2000, pp. 355–357. (In Russian)

2. Gal'perin I. R. *Text as an Object of Linguistic Research*. Moscow, Nauka Publ., 1981, 140 p. (In Russian)

3. Il'in V. V. *Criteria of Scientific Knowledge*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1989, 128 p. (In Russian)

4. Kondakov N. I. *Logical Reference Dictionary*. Moscow, Nauka Publ., 1975, 720 p. (In Russian)

5. Kubriakova E. S. The Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century: (Experience of Paradigm Analysis). *Iazyk i nauka kontsa XX veka*, ed. by Iu. S. Stepanov. Moscow, In-t iazykoznaniiia RAN Publ., 1995, pp. 144–238. (In Russian)

6. Nefedov S. T. Temporal Periphery of the Scientific Text (Non-narrative Functions of Perfekt and Präteritum). *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Ser. 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2015, issue 1, pp. 114–123. (In Russian)

7. Nefedov S. T. Restrictive Argumentation: Modal Words of Doubt and Shared Knowledge in Academic Linguistic Writings. *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Iazyk i literatura*, 2017, vol. 14, no. 4, pp. 599–610. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.408. (In Russian)
8. Nefedov S. T., Cherniavskaia V. E. Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimension. *Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Filologiya*, 2020, no. 63, pp. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5 (in Print). (In Russian)
9. Saussure F. de. *Works on Linguistics*, transl. from French ed. by A. A. Kholodovich. Moscow, Progress Publ., 1977, 695 p.
10. Turaeva Z. Ia. *Text Linguistics*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986, 127 p. (In Russian)
11. Cherniavskaia V. E. Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-driven Linguistics. *Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Filologiya*, 2017, no. 50, pp. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9. (In Russian)
12. Brinkmann H. *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Düsseldorf, Pädagogischer Verlag Schwann, 1962, 654 p.
13. *Denkstile in der deutschen Sprachwissenschaft: Bausteine einer Fachgeschichte aus dem Blickwinkel der Wissenschaftstheorie Ludwik Flecks*, hrsg. von Ch. Andersen, U. Fix, J. Schiewe. Berlin, Erich Schmidt, 2018, 65 p.
14. Fleck L. *Erfahrung und Tatsache: Gesammelte Aufsätze*, introd., ed. by L. Schäfer, Th. Schnelle. Frankfurt a/M., Suhrkamp, 1983, 195 p.
15. Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*, 1st ed. Chicago, University of Chicago, 1962, 172 p.
16. Nefedov S. T. Towards Evaluation in Scientific Reviews (Based on German Linguistics). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 2019, no. 12, no. 10, pp. 1868–1886. DOI: 10.17516/1997–1370-0494.

Нефёдов Сергей Трофимович

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Sergey T. Nefedov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University, Doctor
of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: s.nefedov@spbu.ru

SPIN-код: 1464-4148; ResearcherID: J-9445-2015; ID Scopus: 57211543207; ORCID:
0000-0002-0719-7702